

УДК 94 (47)

DOI 10.21685/2072-3024-2018-1-1

А. С. Королев

ПРОБЛЕМА ДУАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЛАСТИ У РУСОВ X в.

Аннотация.

Актуальность и цели. Статья посвящена проблеме организации верховной власти на Руси в X в. в свете информации восточных источников. Вопросы о заимствовании русами готовых политических форм у соседних народов, об истоках русской государственности по-прежнему относятся к категории наиболее дискуссионных. Целью статьи является решение вопроса о возможности использования данных арабского путешественника Ибн Фадлана о дуальной организации власти у русов для характеристики системы управления первых русских князей.

Материалы и методы. Тема предполагает анализ и сравнение данных из сочинения Ибн Фадлана, византийских источников и материалов русских летописей, содержащих информацию по исследуемой проблеме.

Результаты. Автор последовательно проанализировал информацию источников о применении русскими князьями X в. властных полномочий с целью проверки выводов исследователей, ранее писавших по проблеме, и выявления предполагаемых пар князей-соправителей.

Выводы. В результате исследования удалось доказать отсутствие не только диархической системы управления (привнесенной извне или сложившейся органически), но и традиции системы двоевластия (как и длительного периода сохранения этой системы) на Руси в X в. вообще.

Ключевые слова: Русь, Ибн Фадлан, Киев, диархия, русские князья, русско-византийский договор.

A. S. Korolev

THE DUAL ORGANIZATION'S PROBLEM OF THE AUTHORITY AMONG THE RUS IN X CENTURY

Abstract.

Background. The article is devoted to the problem of organization of supreme authority in Russia in the X century in the light of the East sources. Questions about Rus' borrowing ready-made political forms from neighboring Nations and the origins of Russian statehood are still among the most controversial. The goal of the research is to solve the problem of the possibility of using the data of the Arab traveler Ibn Fadlan on the dual organization of power in Russia to characterize the control system of the first Russian princes.

Materials and methods. The subject assumes the analysis and comparison of data from Ibn Fadlan's work, the Byzantine sources and materials of the Russian Chronicles containing information on the investigated problem.

Results. The author has consistently analyzed the information of sources on the use of Russian princes of the X century powers of authority in order to verify the findings of researchers who previously wrote on the problem, and identify the alleged pairs of princes-co-rulers.

Conclusions. As a result of the study, it was possible to prove not only the absence of the diarchic control system (imported from outside or organically developed), but also the tradition of the system of dual power (as well as a long period of preservation of this system) in Russia in the X century.

Key words: Russia, Ibn Fadlan, Kiev, diarchy, Russian princes, Russian treaty with Byzantium.

Арабский путешественник Ибн Фадлан поместил в свою «Записку» (922 г.) красочный рассказ об обычаях царя русов, который «не имеет никакого другого дела, кроме как сочетаться [с девушками], пить и предаваться развлечениям. У него есть предводитель, который командует войсками, нападает на врагов и замещает его у его подданных» [1, с. 76, 77]. Неясно, как информация, полученная Ибн Фадланом, соотносится с повествованием русских летописей, какому времени она принадлежит, о каких русах идет речь. Скорее всего мы имеем дело с обычным явлением у арабских авторов – разновременные, сомнительные и достоверные, актуальные и нет, материалы сводились вместе, без всякой попытки их критически осмыслить. Учитывая это, информация Ибн Фадлана (который, как известно, один из немногих арабов, который сам видел русов во время посещения Волжской Болгарии, но на Руси не бывал) о царе русов могла быть получена не от подданных царя, а являлась переложением более ранней книжной традиции, необязательно относящейся к «киевскому периоду» русов.

Несмотря на это, часто делаются попытки применить рассказ Ибн Фадлана для характеристики политической организации русов даже второй половины X в. Решающее воздействие на исследователей оказывает Новгородская первая летопись младшего извода (далее НПЛ), которая сравнительно с «Повестью временных лет» (далее ПВЛ) иначе определяет отношения князей Игоря и Олега. В НПЛ Олег представлен не родственником, а воеводой Игоря, и роль последнего в походе на юг и захвате Киева оказывается довольно значительной. Игорь самолично усаживается, «княжа, в Киевѣ», и он, а не Олег, начинает «грады ставити», устанавливает дань варягам. Игорь и приводит себе в жены Ольгу (в ПВЛ это для него делает Олег). Далее Игорь посылает «на Грѣкы вои Русь скиды 10 тысящѣ». Описание похода поставлено под 6428 (920) г., в то время как ПВЛ (в полном соответствии с зарубежными источниками) датирует поход Игоря на Константинополь 6449 (941) г., когда Олега (согласно рассказу ПВЛ) уже давно не было в живых. Но затем НПЛ под 6449 г. пишет о совместной подготовке Олегом и Игорем похода на Византию, а под 6430 (922) г. повествует о самостоятельном походе Олега «на Грѣкы» (его ПВЛ датирует 6415 (907) г.). Получается, Олег действовал позднее 912 г. Его смерть НПЛ относит к 6430 (922) г. [2, с. 107–109].

При сопоставлении сообщения НПЛ о соправительстве Игоря и Олега с рассказом Ибн Фадлана о бездеятельном царе русов и его активном заместителе может показаться, что обстоятельства Игоря и Олега вполне соответствует описанию арабского путешественника. Д. А. Мачинский пришел к вы-

воду, что «система разделения “власти сакральной” и “власти реальной” могла получить столь четкое оформление у русов под влиянием подобного же института у хазар». Кроме пары Игорь-Олег, он считает примерами этой системы управления пары «Игорь-Свенельд, Святослав-Свенельд, Ярополк-Свенельд, Владимир-Добрыня» [3, с. 23]. При этом Олег, конечно же, являлся «прообразом фигуры полномочного “заместителя царя русов”» [4, с. 6]. Он представляется Д. А. Мачинскому «князем-жрецом», сосредоточившим «в своих руках светскую и отчасти сакральную власть, принявшим вместе с “пришлой Русью” местную славяно-русскую религию, основанную на культе Перуна и Велеса» [5, с. 88]. Как строились отношения внутри других пар соправителей, исследователь не поясняет.

В. М. Бейлис, десятилетие спустя после Д. А. Мачинского, решил, что существование «заместителя» у правителя русов «не было придумано Ибн Фадланом или его информаторами, а отражало реальное положение вещей» [6, с. 5]. В. М. Бейлис также считал его «ближайшей хронологической аналогией» «положения Олега при князе Игоре». Традиция (или реликт) «дуальной властной структуры проявилась в соперничестве дружин Игоря и Свенельда» [6, с. 4].

В одно время с В. М. Бейлисом по проблеме высказался А. П. Толочко, писавший о парном правлении (княжении) в Киеве в IX–X вв. – «сакральной диархии». Ее примерами исследователь признал Аскольда и Дира, Олега и Игоря, Ольгу и Святослава. Сравнив сведения о «хазарской диархии с характерными деталями правления киевских диархов», исследователь пришел к мысли о возможности «непосредственного заимствования Русью такой формы правления», хотя не исключал и простого совпадения – «типологического схождения», ведь диархия – «весьма распространенное явление в истории цивилизации» [7, с. 20].

Затем К. Цукерман, выдвинув гипотезу о том, что самостоятельное правление Игоря в Киеве продолжалось «совсем недолго, менее четырех лет: с конца лета 941 по начало 945 г.» [8, с. 77], при помощи неясной информации Кембриджского документа, в котором фигурирует загадочный князь Хельгу (определяемый им как Олег русских летописей), пришел к выводу, что ранее имело место «двоевластие Олега и Игоря», которые сообщают командуют русским флотом в походе на Константинополь в 941 г. [8, с. 74, 75]. Этот вывод заставил исследователя «передвинуть» утверждение Олега и Игоря в Киеве «с 880-х – 890-х гг. на 910–930-е гг.» [8, с. 77].

Наконец, П. П. Толочко признал влияние Хазарии на формирование экономических и политических структур восточных славян «ощутимым», проявлением чего ему представляется «позаимствованная» у хазар «ранне-русская система дуумвирата на киевском столе» [9, с. 94].

В. Я. Петрухин решил сравнить описание быта русского «царя» в «Записке» Ибн Фадлана с летописными известиями об укладе жизни русских князей с целью обнаружить черты сходства и различия. В результате, признавая русских князей довольно деятельными, он не склонен доверять информации Ибн Фадлана. Как уже бывало до него, В. Я. Петрухин признал не случайным то, что описание быта царя русов у арабского автора «соотносится с описанием быта хазарского кагана» [10, с. 106]. Возникает ощущение, что Ибн Фадлан как-то связывает эти два явления, а между тем сама информация

о двоевластии у хазар вызывает у исследователя обоснованные сомнения. Выходит, что, получив фантастическую информацию об организации высшей власти у хазар, Ибн Фадлан добавил ее в отчет, слегка переделав и поместив в раздел труда о русах. Правда, в роли информаторов Ибн Фадлана все-таки выступали встретившиеся ему на Волге русы, но «неясно при этом, насколько эти информанты стремились изобразить быт правителя в соответствии со своими представлениями о престиже власти царя и насколько их информация отражала реалии, в том числе исторические – “двоевластие”, свойственное многим обществам раннего средневековья» [10, с. 106]. Если Д. А. Мачинский, В. М. Бейлис, А. П. Толочко и К. Цукерман, перебирая предполагаемые примеры царя русов и его заместителя, особое внимание обращали на Игоря и Олега, а пара Святослав-Свенельд вообще вызывала у Д. А. Мачинского и В. М. Бейлиса сомнения, то В. Я. Петрухин, напротив, считает, что «проблема соотношения власти Аскольда и Дира, Олега и Игоря далека от ясности, но фигура Свенельда, сохранявшего свои властные позиции при Игоре, Святославе и Ярополке, Добрыня и его потомки действительно свидетельствуют о широких властных функциях воеводы в древнейшей Руси». В случае со Свенельдом исследователь обращает внимание на русско-византийский договор 971 г., который с русской стороны заключали князь Святослав и воевода Свенельд. В. Я. Петрухин все-таки не склонен рассматривать влияние воевод на князей в качестве величины постоянной. Да, Свенельд пользовался во времена Игоря большим влиянием, но при Святославе все стало иначе. И лишь после того как в армии русов, сражавшейся с византийцами в Болгарии, погибли близкие к Святославу воеводы, Свенельд стал вторым и подписал «договор о капитуляции в Доростоле» [10, с. 108]. Получается, при всем влиянии Свенельда его отношения со Святославом сложно назвать похожими на взаимоотношения царя русов и его заместителя в описании Ибн Фадлана.

Если собрать воедино все предполагаемые исследователями примеры «соправительства», «дуальной организации власти», «двоевластия», или «сакральной диархии», получится следующий перечень пар: Аскольд-Дир, Игорь-Олег, Игорь-Свенельд, Ольга-Святослав, Святослав-Свенельд, Ярополк-Свенельд, Владимир-Добрыня. Летописный рассказ о событиях IX–X вв. позволяет утверждать, что ни в одной из перечисленных пар не соседствуют «царь», лишенный реальной власти, и его заместитель, таковой обладающий (о чем и писал В. Я. Петрухин). В этих парах все достаточно и почти в равной степени активны. Но, признав рассказ Ибн Фадлана фантастическим (с чего и начиналась эта статья), должны ли мы оставить без внимания попытки исследователей проследить в IX–X вв. диархию (двоевластие) в качестве устойчивой системы, пусть и отказавшись от попыток применить детали из описания образа жизни «священного царя русов» в «Записке» Ибн Фадлана к киевским русам X в.?

Исторически диархию действительно нельзя признать редкостью. Классическим примером двойной царской власти является уже Спарта. Изучение причин возникновения этого классического примера дуальной организации верховной власти привело к появлению в науке нескольких гипотез: 1) диархия – результат объединения (синойкизма) пришлой общины с местной; 2) диархия – результат объединения двух или нескольких местных общин; 3) диархия – сравнительно позднее явление, результат компромисса

двух враждовавших между собой политических группировок [11, с. 11–13]. Иными словами, речь в любом случае идет о компромиссе как способе выхода из конфликта. Учитывая, что подобное явление имело место и на Руси в XII в. (как способ прекратить затянувшуюся усобицу Рюриковичей), мы, используя вышеуказанный перечень причин диархии в качестве универсального, можем свести истоки политического двоевластия к следующим вариантам: 1) компромисс между завоевателями и побежденными; 2) компромисс между двумя равноправными и равновеликими политическими силами (союз двух самостоятельных общин, соправительство двух враждовавших ранее представителей одного клана; уступка старой властной элиты новой силе – оппозиции). Причем первый вариант к предполагаемым «парам» из русской истории X в. неприменим.

Следует отказаться от рассмотрения двух пар, попавших в предлагаемый исследователями перечень примеров: Аскольд-Дир и Владимир-Добрыня. Про двоевластие Аскольда и Диры у нас мало информации (не случайно в историографии существует традиция вообще не считать их соправителями [12, с. 308]). Кроме того, наша задача состоит в выявлении двоевластия как устойчивой системы организации власти, а летописный рассказ об истреблении «киевских владельцев» представителями новой элиты (Рюриковичами) устраняет возможность какой-либо преемственности между ними и следующей предлагаемой для изучения парой – Игорем и Олегом. Владимир и Добрыня – это не соправительство вовсе. Если признать, что Владимир до определенного момента находился под влиянием Добрыни, то речь идет даже не о регентстве, а о поддержке дядей племянника. Добрыня – скорее воспитатель, кормилец, но никак не равноправный соправитель. Ни о каком двоевластии, компромиссе двух сил тут говорить не приходится.

Пара Игорь-Олег является «основной» в аргументации сторонников существования на Руси IX–X вв. дуальной организации управления. Однако превращение при помощи путанных датировок событий НПЛ Олега и Игоря в современных деятелей второй четверти X в. можно оспорить, сославшись на общеизвестную сомнительность ранней летописной хронологии. Летописные датировки похода Олега на греков (как в НПЛ, так и в ПВЛ) не подтверждаются никакими другими источниками, в отличие от похода Игоря на Константинополь в 941 г., о котором известно как из византийских, так и из западноевропейских источников (о походе Олега известно только из русских летописей). Стремление К. Цукермана «подтянуть» Олега к 940-м гг., исходя из положения о его соправительстве с Игорем, конечно, логично (в противном случае ему пришлось бы политическую деятельность Игоря «подтаскивать» к началу X в., что не находит подтверждения ни в иностранных источниках, ни в ПВЛ). Однако Кембриджский документ, на основе которого исследователь выстраивает цепь своих умозаключений, признавая его памятником X в., источник ненадежный – никто так и не оспорил выводы П. К. Ковковцова, определившего Кембриджский документ как фальсификацию XII или XIII в., правда, сохранившую «некоторые данные утраченного византийского литературного произведения, касавшиеся летописного Олега, и, прежде всего, – к сожалению, в не совсем ясной транскрипции еврейскими буквами – самое имя Олега, как оно произносилось в X или XI в. в Византии» [13, с. XXXV–XXXVI]. В силу этого никакой достоверной хронологии рус-

ской истории X в. на основе Кембриджского документа выстроить не получится.

Разбирая гипотезу К. Цукермана, необходимо учесть и еще одно обстоятельство. Кроме поздно записанных преданий о первых русских князьях текст ПВЛ содержит юридические памятники – русско-византийские договоры, в том числе договор 911 г. (заключенный русами под предводительством Олега) и договор 944 г. (заключенный русами под предводительством Игоря). Если передвинуть совместную деятельность Олега и Игоря к 40-м гг. X в., признав поход на Византию 941 г. их общим деянием (как это представляется К. Цукерману), придется признать и то, что договор Олега был заключен в одно время с договором 944 г., а византийская сторона заключала оба договора с сосуществующими военными группировками русов. Но тогда византийская сторона должна была бы предложить и тем и другим русам одинаковые условия. Между тем в статьях договоров 911 и 944 г., посвященных сходным проблемам, имеются существенные отличия. Например, в статье о краже, совершенной русом у христианина (или наоборот), в договоре 911 г. сказано, что вор, попавший в руки потерпевшему, должен отдать тройную стоимость украденного («сотворить триичи») [14, с. 18]. В договоре 944 г. вор в аналогичной ситуации возвращает украденное в двойном размере [14, с. 25]. В договоре 911 г. говорится, что если русы захотят отправиться на военную службу в Византию, то император вправе оставить у себя на службе любое число русских наемников. В договоре 944 г. в дело уже вмешивается русский «великий» князь, к нему обращается византийская сторона, и он отправляет воинов в помощь императорам ромеев, хотя и в желательном для византийцев числе [14, с. 19, 25, 26]. Показательны различия в статьях о выкупе пленников. В договоре 911 г. плененные христиане «продаемы бывают по 20 злата, и да приидут в Греки» [14, с. 19]. Договор же 944 г. делит христианских пленников на категории: «аще будет уноша, или дѣвица добра, да вдадѣть златникъ 10 и поимуть и; аще ли есть средовичъ, да вдасть золотникъ 8 и поимуть и; аще ли будетъ старъ, или дѣтешъ, да вдасть златникъ 5». А далее появляется положение о русских, оказавшихся в рабстве у греков: «да искупають е русь по 10 златникъ» [14, с. 25]. Наконец, стоит обратить внимание на различия в статьях договоров, посвященных пропавшему челядину [14, с. 19, 24]. В договоре 944 г. имеются и другие отличия (например, целая группа статей «О Корсунской стране», которых нет в договоре 911 г.). Однако специально выбраны для сравнения лишь те статьи, проблематика которых в обоих договорах совпадает, поскольку во всех иных случаях можно было бы сказать, что речь идет о другом географическом пространстве или о какой-то отдельной группе русов. Из приведенного сопоставления понятно, что договоры 911 и 944 г. действительно заключались с разными группами русов, но различие их в том, что составлены они были в разное время и в различных условиях. Значит, превращать Олега в участника похода под предводительством Игоря на Византию в 941 г. неверно и ни о каком двоевластии этих двух лиц в это время речь идти не может.

Перейдем к следующей паре. Летописная история взаимоотношений Игоря и Свенельда недлинная. В НПЛ под 6430 г. сухо сообщается о войнах, которые Игорь, «сѣдяше в Киевѣ княжа», вел с древлянами и уличами, и о том, как князь передал воеводе сбор дани с древлян и уличей. «И рѣша

дружина Игоревъ: “се даль еси единому мужевъ много”» [2, с. 109]. Предыстории нет, из летописи непонятно, почему Игорь решил передавать Свенельду дань с покоряемых Киевом народов. Статус Свенельда определен довольно четко – воевода Игоря, не князь. С 6431 по 6447 г. следует череда «пустых» лет. А затем, под 6448 г., говорится, что уличи «яшася» под дань Игорю и тот «дать дань на них Свѣнделду». Опять пропущен год, и под 6450 г. говорится: «Вѣдасть дань деревъскую Свѣнделду тому же» [2, с. 110]. Рассказ о передаче дани с уличей и древлян Свенельду, таким образом, повторяется два раза. Учитывая, что первоначально летописный рассказ шел без дат (погодное изложение событий с точными датами начинается только с 60-х гг. XI в.), можно предположить, что, выстраивая хронологию событий, летописец растянул их на двадцать лет. Но когда же Свенельд получил дани с древлян и уличей? В 20-х или 40-х гг. X в.? 922 г., как дату передачи дани с древлян Свенельду, мы принять не можем, так как тогда пришлось бы передвинуть к этому же времени и гибель Игоря, что разрушило бы не только русскую, но и европейскую хронологию событий, относящую деятельность Игоря к 40-м, а его жены Ольги и сына Святослава к 50–60-м гг. X в. Необходимо выбрать второй вариант, говорящий о передаче Свенельду дани с уличей под 6448 (940) г., а с древлян под 6450 (942) г. Таким образом, по расчетам летописца Свенельд начал собирать дань с этих областей незадолго до гибели Игоря, не ранее чем лет за пять до рокового похода киевского князя в Древлянскую землю. Это, в общем-то, логично, учитывая, что НПЛ как-то связывала недовольство дружинников Игоря, послужившее причиной похода на древлян, с распоряжениями князя о передаче даней со славян Свенельду.

После еще двух «пустых» лет под 6453 г. сообщается: «В то же лѣто ркоша дружина ко Игоревъ: “отрочи Свѣнължи изодѣлися суть оружемъ и порты, а мы нази, а поиди, княже, с нами в дань...”». Почему отроки Свенельда оказались богаче княжеских дружинников – неясно, зато опять ощущается намек на конфликтную ситуацию в отношениях князя и воеводы. Далее следует рассказ о злополучном походе Игоря в землю древлян и убийстве ими князя – «волка». А затем сообщается, чем была занята в это время жена Игоря Ольга: «А Олга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ дѣтскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, и воевода бѣ Свѣнълдъ, тѣтъ же отецъ Мъстишинъ» [2, с. 110]. При чем здесь Свенельд – непонятно. Возникает ощущение, что его имя искусственно вставлено в текст.

Как известно, А. А. Шахматов пытался доказать, что Игорь погиб в результате конфликта с дружиной Свенельда и древлянами (подданными Свенельда) [15, с. 356–366]. Его построение сомнительно, однако недвусмысленные намеки летописей на конфликт Игоря и Свенельда позволяют нам отменить предположения о соправительстве князя и воеводы, а разбор причин конфликта не входит в задачи данной статьи.

Следующая пара – Ольга и Святослав – мать и сын. Конечно, расхождения в характере и взглядах христианки-матери и язычника-сына иногда кажутся исследователям столь непримиримыми, что речь зачастую заходит о том, будто эти два родных человека воплощали в себе различные течения или даже общественные уклады русской жизни середины X в., были представителями враждебных «течений» и «партий». Об этом писали Е. В. Аничков

и А. Е. Пресняков, а в советское время – С. В. Юшков, М. В. Левченко, А. Г. Кузьмин и др. Приняв это, можно подумать, что две эти партии нашли компромисс, выразившийся в двоевластии Ольги и Святослава. Но если попытаться беспристрастно посмотреть на события, происходившие в 940–960 гг., то устремления Ольги и Святослава не покажутся диаметрально противоположными. Святослав идет походом в землю вятичей и этим ничего принципиально нового не совершает – политика русских князей, в общем-то, и сводилась к покорению и эксплуатации славянских племен, зависевших от Киева. В рамках той же политики действует и Ольга, подавляя выступление древлян. Летописи считают хазар основным конкурентом русских князей в деле взимания дани со славян – Святослав воюет с ними. Судя по договору 944 г. (статья «О Корсунской стране»), какие-то интересы у русов в области Приазовья имелись задолго до появления здесь Святослава. Несомненно, опасность, которую Святослав начал представлять на последнем этапе его восточного похода для владений Византии в Крыму, после выхода русских сил к Керченскому проливу, – это то, что идет вразрез с политикой союза с византийцами, которую проводила Ольга с конца 950-х гг. Но именно после встречи с посланником василевса ромеев Калокиром Святослав покидает Приазовье и устремляется на Дунай, в Болгарию – туда, куда его направляют византийцы. Киев его активно поддерживает. В договоренности, достигнутой между Святославом и императором Никифором Фокой, можно видеть продолжение военного сотрудничества Руси и Византии, которое всеми силами укрепляла Ольга. Наконец, начало войны русов с болгарами в 968 г. естественно вытекает из враждебных русско-болгарских отношений 940–950-х гг. Все происходящее не шло вразрез с политикой, проводившейся Ольгой. Княгиня продолжает занимать Киев до самой своей смерти в 969 г., пока ее сын воюет вдали от «матери городов русских». Что касается статуса Святослава во время балканской войны, то Лев Диакон называет его «катархонтом» русов [16, с. 44, 55]. Известно, что киевского князя в Византии называли «архонтом Росии» [17, с. 45, 51]. Этот титул византийцами применялся к Ольге. Значение же термина «катархонт», используемого Львом Диаконом, весьма расплывчато. Так он называет и византийцев, и иноземцев, и военных, и гражданских. В данном случае этот титул означает военного предводителя, но никак не киевского князя, «архонта» [16, с. 188]. Главной политической фигурой на Руси в 950–960-х гг. остается Ольга, никакого двоевластия в их отношениях нет.

Предположение о соправительстве Святослава и Свенельда строится на тексте русско-византийского договора 971 г. В его начальной части сообщается, что он заключен «при Святославѣ, велицѣмъ князи русѣмъ, и при Свѣналдѣ, писано при Фефелѣ синкелѣ и к Ивану, нарицаемому Цѣмьскию, царю гречьскому» [14, с. 34]. Свенельд здесь как будто поставлен в положение, равное князю. Отсюда и соблазн разглядеть в их отношениях признаки диархии. Ранее, в летописном рассказе о балканской войне русов с греками, Свенельд не упоминался, а в последующем сообщается, что Святослав, заключив мир, «поиде в лодѣхъ къ порогомъ. И рече ему воевода отень Свѣналдъ: “Поиди, княже, на конихъ около, стоять бо печенѣзи в порозѣхъ”. И не послуша его и поиде в лодѣхъ». Затем говорится о тяжелой зимовке

Святослава в Белобережье и гибели от рук печенегов весной, после чего «Свѣналдъ же приде Киеву къ Ярополку» [14, с. 35].

Если в начальной части договора 971 г. сообщается о его составлении в присутствии самого Святослава и воеводы Свенельда, то далее по тексту видно, что договор заключен от имени одного Святослава, а все условия для русской стороны составлены в единственном числе. Можно согласиться с С. М. Каштановым, что имя Свенельда, поставленное в заголовке, но ни разу не упомянутое в тексте договора, попало туда не совсем понятным образом. Вероятнее всего, это поздняя вставка летописца в уже готовый текст. Позднейшей вставкой является и прозвище императора Иоанна – Цимисхий («Туфелька») – вряд ли имевшееся в оригинале договора 971 г., но появившееся или в греческой копии второй половины XI – начала XII в., или в русском переводе [18, с. 21, 22]. Итак, Свенельд появляется в летописном рассказе о балканском походе Святослава лишь во время возвращения русов домой как податель полезного совета, к которому князь на свою беду не прислушался. Вероятно, упоминанием в летописном предании можно объяснить, как Свенельд появился в тексте договора 971 г. Так что договор 971 г. не может служить доказательством соправительства Свенельда и Святослава.

После возвращения в Киев Свенельд, кажется, приобретает большое влияние на Ярополка Святославича, посаженного на киевский стол отцом летом 969 г., перед уходом князя на Балканы. Двоих младших сыновей – Олега и Владимира – Святослав отправил княжить в Древлянскую и Новгородскую земли соответственно. В конфликте Ярополка и Олега Святославичей Свенельд сыграл довольно зловещую роль. Однако, давая оценку происшедшим во второй половине 970-х гг. событиям, определяя роль Свенельда при Ярополке, мы зачастую остаемся под влиянием традиционного представления о юности сыновей Святослава в момент гибели князя. Между тем неправомерно представлять Ярополка в качестве «младенца», целиком зависевшего от мнения окружающих и попавшего под влияние Свенельда. Ярополк был взрослым настолько, что Святослав подарил сыну некую «грекиню», ставшую женой молодого князя [14, с. 35]. Конечно, мы не знаем, какими силами располагал Свенельд. Возможно, он был предводителем остатков разгромленной русской армии, возвратившейся из Болгарии. Но у нас нет оснований считать, что позиции Ярополка в Киеве в 972–977 гг. были слабыми. Напротив, князь весьма активен и во внешних и во внутренних делах. Конечно, он должен был считаться со Свенельдом – впереди была борьба со сводными братьями. Но если даже Свенельд и оказывал влияние на Ярополка, это не продолжалось долго и скорее имело характер стечения обстоятельств, нежели устойчивой системы. В любом случае, те несколько лет, в течение которых Ярополк прислушивался к советам Свенельда, не являются основанием для признания существования на Руси дуальной организации власти как традиционной системы управления.

В результате внимательного рассмотрения предполагаемых пар соправителей нам не удалось выявить на Руси в X в. не только диархической системы управления (привнесенной извне или сложившейся органически), но и традиции системы двоевластия (как и длительного периода сохранения этой системы). Периодически мы видим рядом с киевским князем какую-то сильную фигуру (воеводы или князя-родственника), но при внимательном изуче-

нии становится понятно, что мы имеем дело со стечением обстоятельств, временным, случайным явлением, а не системой. Значительная роль Свенельда при князьях Игоре, Святославе и Ярополке не представляет собой постоянного явления, а проявляется эпизодически, в силу обстоятельств и быстро сходит на нет. И каждый раз подобное возвышение происходит в момент кризиса и свидетельствует о неустойчивости политической системы, существовавшей на Руси в X в. в целом.

Библиографический список

1. Древняя Русь в свете зарубежных источников : в 5 т. Т. III. Восточные источники / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. – 264 с.
2. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей : в 43 т. – М. : Языки русской культуры, 2000. – Т. 3. – 720 с.
3. **Мачинский, Д. А.** О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников / Д. А. Мачинский // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья : межвуз. сб. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. – С. 7–24.
4. **Мачинский, Д. А.** Ростово-Суздальская Русь в X в. и «три группы Руси» восточных авторов / Д. А. Мачинский // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока : межвуз. сб. науч. ст. – Сыктывкар : Пермский ун-т, 1985. – С. 3–23.
5. **Мачинский, Д. А.** Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) / Д. А. Мачинский // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. – Л. : Наука, 1986. – С. 3–29.
6. **Бейлис, В. М.** Ибн Фадлан о «двоевластии» у русов в 20-е гг. X в. / В. М. Бейлис // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. Чтения памяти В. Т. Пашуто : тез. докл. (г. Москва, 13–15 апреля 1992 г.). – М. : ИРИ РАН, 1992. – С. 3–5.
7. **Толочко, А. П.** Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология / А. П. Толочко. – Киев : Наукова думка, 1992. – 224 с.
8. **Цукерман, К.** Русь, Византия и Хазария в середине X века: проблемы хронологии / К. Цукерман // Славяне и их соседи. – М. : Индрик, 1996. – Вып. 6. – С. 68–80.
9. **Толочко, П. П.** Археология и древняя история (В защиту исторического марксизма) / П. П. Толочко. – Киев : Академперіодика, 2007. – 104 с.
10. **Петрухин, В. Я.** «Русь и вси языци»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки / В. Я. Петрухин. – М. : Языки славянских культур, 2011. – 384 с.
11. **Печатнова, Л. Г.** Политические структуры древней Спарты: Спартанские цари / Л. Г. Печатнова. – СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2006. – 88 с.
12. **Рыбаков, Б. А.** Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1993. – 592 с.
13. **Коковцов, П. К.** Еврейско-хазарская переписка в X веке / П. К. Коковцов. – Л. : Изд-во АН СССР, 1932. – 134 с.
14. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – СПб. : Наука, 1996. – 669 с.
15. **Шахматов, А. А.** Разыскания о древнейших русских летописных сводах / А. А. Шахматов. – СПб. : Типография М. А. Александрова, 1908. – 687 с.
16. **Диакон, Л.** История / Л. Диакон ; пер. М. М. Копыленко ; ст. М. Я. Сюзюмова ; коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова ; отв. ред. Г. Г. Литаврин. – М. : Наука, 1988. – 240 с.

17. Об управлении империей / Константин Багрянородный. – М. : Наука, 1991. – 496 с.
18. **Каштанов, С. М.** Об особенностях начальной части договора Святослава 971 г. / С. М. Каштанов // Восточная Европа в древности и средневековье: Международная договорная практика Древней Руси : материалы конф. IX чтения памяти В. Т. Пашуто. – М. : ИРИ РАН, 1997. – С. 18–22.

References

1. *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov: v 5 t. T. III. Vostochnye istochniki* [Ancient Rus in the light of foreign sources: in 5 volumes. Volume III. Oriental sources]. Eds. T. N. Dzhakson, I. G. Kononova, A. V. Podosinov. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke, 2009, 264 p.
2. *Polnoe sobranie russkikh letopisey: v 43 t.* [Complete collection of Russian annals: in 43 volumes]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000, vol. 3, 720 p.
3. Machinskiy D. A. *Severnaya Rus' i ee sosedi v epokhu rannego srednevekov'ya: mezhvuz. sb.* [Northern Russia and its neighbors in the early Middle Ages: intercollegiate collection]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1982, pp. 7–24.
4. Machinskiy D. A. *Materialy k etnicheskoy istorii Evropeyskogo Severo-Vostoka: mezhvuz. sb. nauch. st.* [Materials on the ethnic history of the European North-East: intercollegiate proceedings]. Syktyvkar: Permskiy un-t, 1985, pp. 3–23.
5. Machinskiy D. A. *Russkiy Sever. Problemy etnokul'turnoy istorii, etnografii, fol'kloristiki* [Russian North. Problems of ethnocultural history, ethnography, study of folklore]. Leningrad: Nauka, 1986, pp. 3–29.
6. Beylis V. M. *Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva. Spornye problemy. Chteniya pamyati V. T. Pashuto: tez. dokl. (g. Moskva, 13–15 aprelya 1992 g.)* [Formation of the Old Russian State. Controversial issues. Memorial lecture named after V. T. Pashuto: proceedings (Moscow, 13–15th of April 1992)]. Moscow: IRI RAN, 1992, pp. 3–5.
7. Tolochko A. P. *Knyaz' v Drevney Rusi: vlast', sobstvennost', ideologiya* [Prince in Ancient Russia: authority, property, ideology]. Kiev: Naukova dumka, 1992, 224 p.
8. Tsukerman K. *Slavyane i ikh sosedi* [Slavs and their neighbors]. Moscow: Indrik, 1996, iss. 6, pp. 68–80.
9. Tolochko P. P. *Arkheologiya i drevnyaya istoriya (V zashchitu istoricheskogo marksizma)* [Archaeology and ancient history (In defense of historical Marxism)]. Kiev: Akademperiodika, 2007, 104 p.
10. Petrukhin V. Ya. «Rus' i vsi yazytsi»: *Aspekty istoricheskikh vzaimosvyazey: Istoriko-arkheologicheskie ocherki* [Aspects of historical relationships: Historical and archaeological essays]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011, 384 p.
11. Pechatnova L. G. *Politicheskie struktury drevney Sparty: Spartanskii tsari* [Political structures of ancient Sparta: Spartan kings]. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gos. un-t, 2006, 88 p.
12. Rybakov B. A. *Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv.* [Kiev Rus and Russian principalities XII–XIII centuries]. Moscow: Nauka, 1993, 592 p.
13. Kokovtsov P. K. *Evreysko-khazarская переписка в X веке* [Jewish-Khazar correspondence in the X century]. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1932, 134 p.
14. *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. Ed. V. P. Adrianova-Peretts. Saint-Petersburg: Nauka, 1996, 669 p.
15. Shakhmatov A. A. *Razyskaniya o drevneyshikh russkikh letopisnykh svodakh* [Researches about the most ancient Russian chronicles]. Saint-Petersburg: Tipografiya M. A. Aleksandrova, 1908, 687 p.
16. Diakon L. *Istoriya* [History]. Execut. ed. G. G. Litavrin. Moscow: Nauka, 1988, 240 p.
17. Bagryanorodnyy K. *Ob upravlenii imperiei* [On the administration of the empire]. Moscow: Nauka, 1991, 496 p.
18. Kashtanov S. M. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e: Mezhdunarodnaya dogovornaya praktika Drevney Rusi: materialy konf. IX chteniya pamyati V. T. Pashuto*

[Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages: International treaty practice of Ancient Rus: proceedings of IX Memorial lecture named after V. T. Pashuto]. Moscow: IRI RAN, 1997, pp. 18–22.

Королев Александр Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент,
независимый исследователь

E-mail: koryuz@mail.ru

Korolev Aleksandr Sergeevich

Candidate of historical sciences, associate
professor, independent researcher

УДК 94 (47)

Королев, А. С.

Проблема дуальной организации власти у русов X в. / А. С. Королев //
Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные
науки. – 2018. – № 1 (45). – С. 3–14. – DOI 10.21685/2072-3024-2018-1-1.